

Цзян Жан то и дело взвешивал на ладони увесистый слиток серебра. Он разглядывал его снова и снова, не веря собственным глазам, и так глупо улыбался, что даже не заметил, как Фан Чжуншань взял его за руку и вывел на улицу.

Фан Чжуншань уже довольно долго вел своего маленького мужа по улице, сокрушаясь и посмеиваясь про себя. Если бы не крепкая хватка, этот увлекшийся богатством малыш непременно врезался бы в какую-нибудь стену.

— Неужто всего пять лянов серебра могут так тебя раззадорить? — не выдержал Фан Чжуншань.

Он ждал, когда тот наконец опомнится, но в конце концов не выдержал, остановился и резко обернулся.

Как он и думал, улыбающийся маленький Шуаньэр продолжал шагать вперед на автопилоте и со всего маху уткнулся лицом прямо ему в грудь.

Цзян Жан испуганно встrepенулcя. Одной рукой он все еще сжимал заветный кошель, а пальцами другой принялся потирать ушибленный лоб. Растерянно подняв глаза на Фан Чжуншаня, он спросил:

— Чего это ты вдруг остановился?

Глядя на эту очаровательную простоту, Фан Чжуншань не смог удержаться от шутливых поддразниваний. С преувеличенным вздохом он рассмеялся:

— Да если бы я не встал как вкопанный, мой ненаглядный супруг уже целиком залез бы в этот кошель!

Цзян Жан соображал несколько секунд, пока до него наконец не дошел смысл слов. Ну надо же, его только что обозвали маленьким жадиной!

Нежные щеки юноши залил нежный румянец. Смутившись, маленький Шуаньэр неловко кашлянул и пробормотал:

— И вовсе я не жадный... Просто... я впервые в жизни держу в руках такое богатство! Вот и растерялся от радости.

Счастье так и светилось на его миловидном лице, а на щеках проступили очаровательные ямочки, похожие на крошечные пиалы со сладким вином.

Радость Цзян Жана была настолько заразной, что у Фан Чжуншаня, который до этого был

доволен лишь наполовину, мгновенно поднялось настроение.

Заметив, что Фан Чжуншань тепло улыбается, юноша ничуть не обиделся на подначку. Напротив, он заговорщицки прошептал:

— Я ведь и правда безумно рад!

— Гора Одинокого Шамана такая огромная и пугающая. Там столько опасностей, о которых я даже подумать боюсь. Пока вы с дядей Линем бродили по склонам, я дома глаз сомкнуть не мог. Боялся, что засну и увижу в кошмаре, как с тобой случается беда.

— И еще я страшно переживал, что ты проделаешь такой тяжелый путь, но вернешься ни с чем. Ведь все ханьцзы ужасно самолюбивы. Я только и думал: «Старший брат Чжуншань так старался, ушел в глухую чащу, и если его труды пропадут даром, как же горько ему будет!»

Голос маленького Шуаньэра дрожал, но в глазах застыл мягкий, влажный блеск. Он весь покраснел от чувств, и пунцовый румянец уже перетек на шею и уши.

— Мне так хотелось уберечь тебя от беды. И очень не хотелось, чтобы ты унывал. Поэтому то, что мы выручили столько серебра... это просто чудо какое-то!

Он повторил это несколько раз подряд, не в силах сдержать ликование.

Фан Чжуншань ошеломленно замер. Он и представить не мог, какие бури бушевали в мыслях Цзян Жана, пока его самого не было дома.

Это трогало до глубины души, вызывая щемящую, сладкую тоску. За долгие годы одиночества Фан Чжуншань совсем забыл, каково это — знать, что о тебе кто-то тихо беспокоится и ждет твоего возвращения.

Цзян Жан продолжал лучезарно улыбаться, и в тусклом свете дня его улыбка казалась Фан Чжуншаню самым ярким сокровищем на свете.

— Глупенький ты мой Шуаньэр, — мягко укорил его Фан Чжуншань. — Твой старший брат вовсе не так слаб. Повстречайся мне хоть дикий вепрь, хоть свирепый тигр — я бы и глазом не моргнул. Так что выбрось эти глупости из головы!

С этими словами он ласково пригладил непослушный вихор, забавно торчащий на макушке юноши.

— К тому же, даже вернись я с пустыми руками, унывать бы не стал. В конце концов, дома меня ждал очаровательный супруг, который обещал кормить меня, продавая свои плетеные

корзинки.

Подобная ласка прямо посреди людной улицы ввела Цзян Жана в неопишуемое смущение. Щеки вспыхнули с новой силой, однако отстраняться от теплой ладони не хотелось. Он замер, затаив дыхание, и лишь смущенно пролепетал:

— Ну... это верно. Мои бамбуковые поделки всегда раскупают быстрее всех!

Любуясь его очаровательным видом, Фан Чжуншань довольно сощурился.

— Ладно, дело прошлое. Раз уж мы сегодня свободны, да еще и при деньгах, грех упускать такой день. Давай хорошенько погуляем по городу, а уж потом отправимся обратно в деревню.

Город Процветающего Ян делился на Восточный и Западный рынки, разделенные широким искусственным каналом. Перебраться с одной стороны на другую можно было либо на лодке, либо по одному из мостов.

Вероятно, ради удобства управления городские власти сосредоточили на Восточном рынке все крупные и респектабельные заведения: постоянные дворы, аптеки, богатые шелковые лавки и портняжные мастерские. Сюда стекалась приличная, состоятельная публика.

Западный рынок выглядел куда беднее и невзрачнее. Это было пристанище для деревенских торговцев, бедняков и бесприютных бродяг.

Однако в этой непритязательности крылось свое особое очарование. Мелкие торговцы не тратились на аренду лавок — они просто расстилали на земле рогожу или кусок старого холста прямо под открытым небом и раскладывали свой нехитрый товар.

По этой причине уличная торговля на Западном рынке процветала как нигде более.

Именно здесь Цзян Жан когда-то часами простаивал, пытаясь продать свои бамбуковые корзины и туески.

Воспоминания развязали юноше язык, и он увлеченно зашебетал:

— Та улица с лотками, где я обычно пристраивался, тянется без конца, глазом не охватить! А сколько там всякой еды продают — ароматы стоят такие, что с ума сойти можно! Бывало, стоишь голодный со своими корзинками, только и делаешь, что носом тянешь. Пару раз из-за этого чуть покупателей не прозевал — так заслушался этими запахами, что вопросов о цене не расслышал!

— А еще там была лавка с танбао — теплыми пирожками с бульоном внутри. Представляешь,

за один просили целых десять медных монет! Я тогда думал, их из чистого золота лепят, не иначе. Но пахли они божественно... Купишь на вырученные деньги пару пресных ячменных лепешек, стоишь, вдыхаешь этот мясной дух, и кажется, будто сам эти пирожки ешь.

Фан Чжуншань с улыбкой слушал эту щебетню, с грустью думая о том, как сильно нуждался его маленький муж в прошлом и как мало радостей видел в жизни.

Чтобы порадовать супруга и исполнить его давнюю мечту, Фан Чжуншань твердо решил отправиться на Западный рынок.

Аптека «Ветра и Облаков» располагалась в самом сердце оживленного Восточного рынка, а заветная торговая улочка находилась на приличном расстоянии. Пешком им пришлось бы добираться туда не один час, что отняло бы слишком много сил.

К счастью, на оживленных дорогах Города Процветающего Ян дефицита в транспорте не было. Извозчики на телегах, запряженных быками и ослами, то и дело сновали туда-сюда. Фан Чжуншань окликнул проезжавшего мимо погонщика, отдал ему несколько медных монет, и они с Цзян Жаном с комфортом устроились на соломе в кузове.

Старый бык ступал неторопливо и плавно, мерно покачивая тяжелой головой. В стране Великого Спокойствия крупный рогатый скот ценился высоко, и в родной деревне Цзян Жан видел быков всего пару раз, да и то издалека. Оказавшись так близко к могучему животному, он во все глаза рассматривал его мощную спину и мерно покачивающийся хвост.

Спустя изрядное время, проведенное в неспешной тряске, повозка наконец остановилась у Граничного моста, служившего границей между двумя мирами.

— Приехали, уважаемые! — зычно крикнул старый погонщик. — Дальше хода нет, бычьим повозкам на Западный рынок соваться не велено. Прошу на выход!

Фан Чжуншань легонько потянул за руку увлекшегося созерцанием быка Цзян Жана и помог ему спуститься на землю.

Получив плату, старик слегка шлепнул животное по крупу. Бык глухо замычал, качнул серыми рогами и послушно развернулся, увлекая повозку за собой в обратный путь.

Цзян Жан проводил их взглядом и помахал рукой на прощание.

Если Восточный рынок отличался безупречным порядком и чистотой, то Западный олицетворял собой суету и вечный хаос.

Прежний владелец этого тела искал лишь легких удовольствий и праздности, поэтому все его маршруты ограничивались блеском Восточного рынка. На Западный он не заглядывал никогда.

Ступив на Граничный мост, Фан Чжуншань впервые воочию убедился, насколько разительным был контраст между этими двумя частями города.

Низкие ветхие лачуги жались друг к другу без какого-либо порядка. Жилые каморки соседствовали с грязными мясными лавками и лавчонками старьевщиков, повсюду царили шум, гам и теснота. Сложно было поверить, что этот унылый лабиринт — часть того же благополучного Города Процветающего Ян.

У любого величия есть своя изнанка, и Западный рынок был именно такой изнанкой для процветающего города.

Улочки вились змеями, пересекались под немыслимыми углами и обрывались тупиками, так что неопытный путник мог блуждать здесь часами, безуспешно пытаясь отыскать выход.

К счастью, у Фан Чжуншаня был надежный проводник в лице его маленького мужа, который ориентировался здесь не хуже старого волка.

Обладая цепкой памятью, Цзян Жан уверенно лавировал среди переулков и вскоре вывел их к Длинной улице уличных лотков.

Эта улица служила главным торговым сердцем Западного рынка. Вдоль покосившихся одноэтажных домиков прямо на голой земле сидели торговцы со всех окрестных деревень, наперебой выкликая прохожих и расхваливая свой товар.

— Вот она, та самая лавка! — радостно воскликнул Цзян Жан.

Он уверенно потащил Фан Чжуншаня за собой. Пройдя немного вперед, они остановились у небольшого навеса, под которым на расстеленной промасленной бумаге лежали бледные пухлые пирожки. Юноша указал на них пальцем:

— Я же говорил, по запаху найдем!

Цзян Жан так живописал эти пирожки, что Фан Чжуншань невольно ожидал увидеть кулинарный шедевр. Однако, бросив взгляд на прилавок, он лишь разочарованно вздохнул.

Разве это танбао? Плотное, сероватое и явно жесткое тесто, которое будет комом вставать в горле, а внутри — сиротливый комочек дешевой свинины в скудной лужице мутного бульона.

«И вот это они называют изысканным кушаньем?»

Фан Чжуншань мысленно посочувствовал настоящим мастерам китайской кухни, чье кулинарное наследие так безбожно упростили.

Но Цзян Жан этого не замечал. Он заворожено смотрел на исходящий паром лоток, сглатывая слюну:

— До чего же аппетитно пахнет! Старший брат Чжуншань, чувствуешь? Настоящее мясо!

Не в силах противиться этому умоляющему и восторженному взгляду, Фан Чжуншань молча достал из кошелька медные монеты и попросил торговца положить им четыре штуки.

Получив горячий сверток, Цзян Жан не стал жадно набрасываться на еду. Бережно придерживая пирожок обеими руками, он поднес его к губам мужа:

— Попробуй скорее, старший брат Чжуншань!

От одного вида этого сомнительного изделия у Фан Чжуншаня пропадал всякий аппетит, но, щадя чувства юноши, он покорно откусил кусочек.

— М-м-м, — протянул он, нагло покривив душой. — И правда замечательно. У моего маленького мужа отменный вкус!

Счастливый Цзян Жан расплылся в улыбке, обнажив ямочки на щеках, и без всякого стеснения откусил от того же места.

Его щеки забавно раздулись, сделав его похожим на хомяка, набивающего припасы. Старательно прожевав лакомство, он блаженно вздохнул:

— Какое же это блаженство...

— Эх, умел бы я готовить такую вкусноту. Тоже бы открыл свой лоток на этой улице. На еде ведь можно заработать куда больше, чем на плетении корзин!

Эта невинная фраза, сорвавшаяся с губ юноши, внезапно озарила разум Фан Чжуншаня яркой вспышкой. В его голове мгновенно родился дерзкий и многообещающий план.